

КОГНИТИВНАЯ И КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА COGNITIVE AND CORPUS LINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.183-199>
<https://elibrary.ru/sgviwp>

УДК / UDC 159.942:811.511.131

Оригинальная статья / Original article

Роль образной схемы «контейнер» в вербализации концепта «сюлэм» ‘сердце’ в удмуртском языке

М. В. Романова

*Сегедский университет,**г. Сегед, Венгрия, <https://ror.org/01pnej532>**marinalintu@gmail.com*

Аннотация

Введение. В современной лингвистике особый интерес представляет изучение образных схем как когнитивных механизмов концептуализации. Несмотря на существующие исследования концепта «сюлэм» ‘сердце’, метафорические реализации образной схемы «контейнер» в его структуре до настоящего времени не были предметом специального анализа. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения образных схем как одного из механизмов концептуализации в удмуртском языке. Цель исследования – выявление и системный анализ метафорических реализаций схемы «контейнера» в структуре концепта «сюлэм» ‘сердце’.

Материалы и методы. Объектом исследования выступают метафорические выражения с леммой сюлэм ‘сердце’ из Национального корпуса удмуртского языка, собранные методом целенаправленной выборки и проанализированные с применением когнитивно-лингвистического анализа. Дополнительные данные были получены из двуязычных словарей, монографии и фольклорного сборника.

Результаты исследования и их обсуждение. Образная схема «контейнер», реализуемая через концепт «сюлэм» ‘сердце’, играет ключевую роль в концептуализации эмоций в удмуртском языке. Сердце осмысливается как замкнутое пространство, способное вмещать эмоции и внутренние переживания. Анализируется метафора «сердце – это контейнер для эмоций», где эмоции концептуализируются как вещества, жидкости, субстанции, живые существа, свет. Особое внимание в исследовании уделено роли пространственных падежей и послелогов в формировании метафорической структуры, а также схеме «полный/пустой». Кроме того, сердце метафорически предстает в образах дома, сундука или гнезда.

Заключение. Впервые на материале удмуртского языка проведен системный анализ образной схемы «контейнер» в рамках когнитивной лингвистики. Полученные результаты показывают, что метафора «сердце – это контейнер» в удмуртском языке объединяет универсальные механизмы метафоризации и культурно-специфические особенности мировосприятия. Изучение образных схем и когнитивных метафор представляет собой важный инструмент для доступа к человеческому сознанию, а также способствует пониманию особенностей восприятия мира представителями различных культур. Результаты исследования могут быть полезны для дальнейшего изучения концептуализации эмоций и механизмов их языковой репрезентации в удмуртском и других финно-угорских языках.

Ключевые слова: удмуртский язык, когнитивная лингвистика, образная схема, когнитивная метафора, схема «контейнер», концептуализация, эмоции

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Романова М.В. Роль образной схемы «контейнер» в вербализации концепта «сюлэм» ‘сердце’ в удмуртском языке. *Финно-угорский мир.* 2026;18(2):183–199. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.183-199>

© Романова М. В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The Role of the Image Schema “Container” in the Verbalization of the Concept “Šulem” ‘Heart’ in Udmurt

M. V. Romanova

University of Szeged,
Szeged, Hungary, <https://ror.org/01pnej532>
marinalintu@gmail.com

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of the “container” image schema and its role in the metaphorical conceptualization of emotions through the concept *šulem* ‘heart’ in the Udmurt language. The study relevance lies in the fact that the cognitive analysis of image schemas and cognitive metaphors in this language has not yet been investigated. The aim of this study is to identify and systematically analyze the metaphorical realizations of the container schema within the structure of the concept *šulem* ‘heart’ in the Udmurt language.

Materials and Methods: The object of the study consists of metaphorical expressions with the lemma *šulem* ‘heart’ from the National Corpus of the Udmurt Language, collected through targeted sampling and analyzed using cognitive-linguistic methods. Additional data were obtained from bilingual dictionaries, a monograph, and a folklore collection.

Results and Discussion. The image schema “container”, realized through the concept *šulem* ‘Heart’, plays a central role in the conceptualization of emotions in the Udmurt language. In the Udmurt linguistic cognition the heart is understood as an enclosed space capable of containing emotions and inner experiences. The metaphor “The heart is a container for emotions” is analyzed, where emotions are conceptualized as substances, fluids, materials, or living beings, or light. Particular attention is given to the role of spatial case markers and postpositions in formation of metaphorical structure, as well as to the schemas of “full/empty”. The heart as a container may be represented in the form of a house, chest, or nest.

Conclusion. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time, a systematic analysis of the “container” image schema has been carried out based on Udmurt language data within the framework of cognitive linguistics. The results show that the metaphor “Heart as a container” in the Udmurt language combines universal mechanisms of metaphORIZATION with culture-specific aspects of worldview. The study of image schemas and cognitive metaphors serves as an important means of accessing human cognition and contributes to understanding how different cultures perceive and interpret the world.

Keywords: Udmurt language, cognitive linguistics, image schema, cognitive metaphor, container, conceptualization, emotions

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Romanova M.V. The Role of the Image Schema “Container” in the Verbalization of the Concept “Šulem” ‘Heart’ in Udmurt. *Finno-Ugric World*. 2026;18(2):183–199. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.183-199>

Введение

Образные схемы (image schema)¹ занимают важное место в когнитивной лингвистике, поскольку отражают фундаментальные структуры человеческого опыта и помогают описывать способы его организации. Одной из наиболее универсальных является схема «контейнер», в рамках которой сердце осмысливается как внутреннее пространство, служащее локусом эмоциональных переживаний и чувств.

Лексема *šulem* ‘сердце’ в удмуртском языке уже становилась объектом лингвистических исследований² [1–3], однако существующие работы посвящены преимущественно характеристике и анализу фразеологических единиц. При этом когнитивные механизмы, лежащие в основе метафорической структуры данной лексемы, остаются недостаточно описанными. В частности, остается неясным, каким образом через

¹ Термин «image schema» в русскоязычной научной литературе также используется как ‘образ-схема’.

² Лесникова Г.Н. Удмурт кылтэчетъёс: люканья ужьюртос. Ижкар, Будапешт; 2003. 130 с.; Егоров А.В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской): дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск; 2010. 305 с.

концепт «сюлэм» ‘сердце’ репрезентируется эмоциональная сфера человека и какую роль в этом процессе играет образная схема «контейнер». Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется отсутствием комплексных когнитивных описаний образных схем и когнитивных метафор в удмуртском языке.

Теоретической основой исследования является когнитивная теория метафоры, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном³. В соответствии с ней привычная система понятий, с помощью которой человек осмысливает и организует повседневную реальность, по своей сути метафорична.

Цель исследования – изучение образной схемы «контейнер» и концепта «сюлэм» в удмуртском языке, а также выявление и анализ когнитивных метафор, основанных на этой схеме.

Обзор литературы

Концепция образных схем была разработана в рамках когнитивной лингвистики М. Джонсоном⁴ и Дж. Лакоффом⁵ [4] и получила свое развитие в работах Б. Хампе [5], Дж. Грейди [6], Л. Талми [7], А. Циенки [8], Р. Гиббса [9], Т. Клауснера и У. Крофта [10], З. Кёвечеша [11] и др. В их исследованиях образные схемы рассматриваются как доконцептуальные структуры, формирующиеся на основе повторяющихся телесных взаимодействий и сенсомоторного опыта человека. К наиболее распространенным перцептивным образным схемам относят: «контейнер», «часть – целое», «связь – отношение», «центр – периферия», «источник – путь – цель», а также схемы, основанные на кинестетическом опыте: «чувство и сила», «мораль и сила» и др. [11, с. 51–56]. В различных языках образные схемы могут выражаться через предлоги, послелого, глаголы, падежи, морфемы или метафоры частей тела [12].

Особое место занимает образная схема «контейнер», формирующаяся на основе телесного опыта: с раннего возраста человек воспринимает свое тело как замкнутое пространство, отделенное кожей от окружающей среды, с четкой ориентацией «внутри – снаружи»⁶ [11, с. 52]. Этот базовый сенсомоторный опыт служит основой для концептуализации эмоций в различных языках. Тело и внутренние органы осмысливаются как вместилища, в которых локализуются чувства и эмоциональные состояния. Н. Энфилд и А. Вежбицкая считают такую модель универсальной, несмотря на то, что способы телесной локализации эмоций в теле (сердце, желудок, печень, грудь, горло и др.) и лексические средства их выражения могут существенно различаться в разных языках и культурах [13]. Наиболее типичной частью тела, связанной с концептуализацией эмоций, выступает сердце, что отражено в базовой когнитивной метафоре «локус эмоции – это часть тела»⁷.

Как отмечает Дж. Лакофф, образные схемы лежат в основе формирования когнитивных метафор⁸ – устойчивых соответствий между двумя когнитивными сферами: конкретной (источником) и абстрактной (целью)⁹ [14]. Эти метафоры рассматриваются не как стилистический прием, а как базовый механизм мышления и восприятия мира. В частности, схема «контейнер» образует онтологический тип когнитивной метафоры, при помощи которой абстрактные понятия – эмоции, мысли, психическое

³ Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, London: The University of Chicago Press; 1980. 242 p.

⁴ Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago, London: The University of Chicago Press; 1987. 272 p.

⁵ Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago, London: University of Chicago Press; 1987. 614 p.

⁶ Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, London: The University of Chicago Press; 1980. P. 134.

⁷ Baranyiné Kóczy J., Sipőcz K. *Embodiment in Cross-Linguistic Studies: The 'Heart'*. Leiden: Brill; 2023. P. 6.

⁸ Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago, London: University of Chicago Press; 1987. P. 275.

⁹ Баранов Л.Н. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя. В: Лакофф Д., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М.: УРСС; 2004. С. 10.

состояние, межличностные отношения, опыт и течение времени – осмысляются через конкретные и осязаемые категории¹⁰. Так, например, метафорическое выражение «в глубине души» основано на онтологической метафоре «душа – это контейнер», где область цели «душа» концептуализируется через область источника «контейнер». В рамках этой метафоры эмоции и переживания репрезентируются как внутреннее содержимое, скрытое внутри замкнутого пространства.

Так, метафора «сердце – это контейнер» лежит в основе метафорических выражений, в которых сердце «содержит» или «хранит» эмоции и чувства. Эмоции при этом репрезентируются в качестве содержимого этого контейнера: они могут накапливаться, переполнять его, вытекать наружу или, напротив, заполнять его изнутри, а также распределяться по внутренним отделениям. Эти процессы находят отражение в различных культурных моделях и метафорических выражениях [15, с. 355]. Исследователи Ю. Баранине Коци, К. Шипёц описывают распространенный в различных языках вариант метафоры «сердце – это контейнер, наполненный жидкостью», в котором сердце представлено сосудом, а эмоции – жидкостью внутри. Эта жидкость может быть холодной или теплой, кипящей, способной выливаться наружу – характеристики могут меняться и зависят от конкретной культуры¹¹.

Когнитивный анализ метафорических и метонимических моделей, связанных с концептом «сюлэм», представлен в работе Р. Кубич¹². Исследователь рассматривает сердце как ключевой локус эмоций в удмуртском языке (когнитивная метафора «Locus of emotion is heart»), который служит средством репрезентации таких эмоциональных состояний, как страдание, симпатия/любовь, страх, радость/счастье, гнев, неприязнь, облегчение, желание и апатия. В рамках схемы контейнера автор выделяет метафоры «эмоции – это субстанция внутри человека» («Emotions are substance inside a person») и «эмоции – это живой организм» («Emotion is a living organism»). Наряду с сердцем, локусом эмоций в удмуртском языке может выступать *kõt* ‘живот, желудок’, однако его участие менее продуктивно¹³. Таким образом, системный анализ образной схемы «контейнер» в структуре исследуемого концепта до сих пор не проводился, это определяет актуальность настоящего исследования.

Материалы и методы

Материалом для исследования служат данные из корпусов удмуртского языка¹⁴, объединяющего корпус современного литературного удмуртского языка, соцсетей и корпус диалектной речи¹⁵. К исследованию привлекались первые два корпуса. Первый содержит тексты современной прессы (до января 2018 г.), второй – посты и комментарии удмуртоязычных пользователей соцсети ВКонтакте (до февраля 2018 г.). Кроме материалов Национального корпуса удмуртского языка, содержащего более 12 млн словоупотреблений, были использованы удмуртско-венгерский словарь¹⁶, русско-удмуртские словари¹⁷, монография [3], сборник

¹⁰ Kövecses Z. A Metafora. Gyakorlati bevezetés a kognitív metaforaelméletbe. Budapest: Typotex; 2005. P. 50; Kothencz G.S. Képi sémák és határozóragok. In: Konstrukció és jelentés. Tanulmányok a magyar nyelv funkcionális kognitív leírására. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem; 2012. P. 43–44.

¹¹ Baranyiné Kóczy J., Sipőcz K. Embodiment in Cross-Linguistic Studies: The 'Heart'. Leiden: Brill; 2023. P. 14.

¹² Kubitsch R. The Role of 'Heart' in the Conceptualization of Emotions in Udmurt. In: Baranyiné Kóczy J., Sipőcz K. Embodiment in Cross-Linguistic Studies: The 'Heart'. Leiden: Brill; 2023. P. 174–198.

¹³ Там же. P. 192–193.

¹⁴ Национальный корпус удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://udmurt.web-corpora.net/> (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁵ Arkhangelskiy T. Corpora of Social Media in Minority Uralic Languages. In: Proceedings of the Fifth International Workshop on Computational Linguistics for Uralic Languages. Tartu; 2019. P. 125–140.

¹⁶ Kozmács I. Udmurt–magyar szótár. Szombathely: Savaria University Press; 2002. 532 p.

¹⁷ Русско-удмуртский словарь. Под ред. А. Буголина. Ижевск: Удмуртгосиздат; 1942. 408 с.; Большой удмуртско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=129449> (дата обращения: 18.11.2025).

удмуртских песен¹⁸ и устные сообщения лектора удмуртского языка Сегедского университета Е. О. Сунцовой. В корпусах был проведен целенаправленный поиск по лемме *сюлэм* ‘сердце’, в результате которого было обработано и проанализировано более 2 000 примеров как метафорического, так и неметафорического употребления этой леммы. Идентификация метафорических употреблений и их последующий анализ осуществлялись в рамках когнитивно-лингвистического подхода. Из выборки были исключены повторяющиеся метафорические выражения. На основе полученного материала была создана собственная база данных, позволившая выявить основные образные схемы и метафоры, связанные с концептом «сюлэм» ‘сердце’ в удмуртском языке, в частности – реализацию схемы «контейнер».

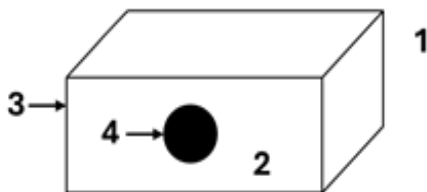
Результаты исследования и их обсуждение

Схема «контейнер» представляет собой объект, схожий с резервуаром, содержащий внутреннюю полость, внешнюю сторону, границы¹⁹ и содержимое; обладающий шириной, длиной и глубиной в трехмерном пространстве²⁰ (рис. 1).

С точки зрения Клауснера, структура концептуальной области «контейнер» включает три основных аспекта: контейнер как объект (Container object), его содержимое (Content) и его замкнутость (Containment) [16, с. 190]. Объект-контейнер актуализирует параметры барьерности, поверхности и закрытости. В свою очередь аспект содержимого лежит в основе концептов «пустой» и «полный». Таким образом, концепты, характеризующие относительно объекта-контейнера или его содержимого, описывают его материальные характеристики и, следовательно, связаны с доменом «материи» (matter). Замкнутость контейнера предполагает наличие пространственных характеристик, т. е. местоположения «внутри/снаружи», направления «внутри/наружу» и степени открытости контейнера «открыто/закрыто». Они соотносятся с концептуальной областью «пространство» (space) и основаны на восприятии трехмерных координатных отношений.

Реализация образной схемы «контейнер» и основанной на ней когнитивной метафоры «сердце – это контейнер для эмоций» в удмуртском языке представлена следующими типами структур:

- А. аффиксы внутреннеместных пространственных падежей;
- Б. локативные послелогии;

Р и с. 1. Схема «контейнер» (3D).

Fig. 1. The “container” image schema (3D)

Примечание: 1 – внешняя часть; 2 – внутренняя часть; 3 – граница/пограничная линия; 4 – содержимое контейнера.

Note: 1 – exterior; 2 – interior; 3 – boundary (boundary line); 4 – contents of the container.

Источник: адаптировано из Kothencz G. Képi sémák és határozóragok. P. 40.

Source: Adapted from Kothencz G. Képi sémák és határozóragok. P. 40.

¹⁸ Сапожников Л.Д. Сокровища удмуртского фольклора: песни, танцы и игры шошминских удмуртов. Т. 1. Казань: Заман; 2019. 752 с.

¹⁹ Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago, London: University of Chicago Press; 1987. P. 272.

²⁰ Kothencz G.S. Képi sémák és határozóragok. In: Konstruáció és jelentés. Tanulmányok a magyar nyelv funkcionális kognitív leírására. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem; 2012. P. 40.

- В. названия частей, указывающих на структуру контейнера;
 Г. лексемы, выражающие состояние наполненности и опустошенности;
 Д. предметы, обладающие формой контейнера.
 Рассмотрим каждый из случаев более подробно.

А. Аффиксы внутреннеместных пространственных падежей.

Образная схема «контейнер» предполагает представление пространства в виде ограниченной области с четко выраженными границами, куда может происходить движение, внутри которой может происходить пребывание и из которой возможно удаление. Такая схема включает три основные фазы:

- 1) фаза приближения (движение к контейнеру);
- 2) фаза нахождения внутри;
- 3) фаза удаления (движение из контейнера наружу).

Соответственно, каждая падежная форма акцентирует одну из фаз: иллатив – вход в контейнер, инессив – положение внутри, а элатив – удаление и выход из контейнера²¹. В удмуртском языке схема «контейнер» реализуется при помощи аффиксов трех пространственных падежей: инессива, иллатива и элатива, которые выражают пространственные отношения «внутри – внутри – изнутри» соответственно. Данные по удмуртскому языку позволяют включить в эту модель и пролатив, который может выражать движение сквозь внутреннее пространство ориентира, выполняя функцию переходной фазы [17] (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Локализация IN в удмуртском языке
 T a b l e 1. Lokalization of IN in the Udmurt language

Локализация / Localization	Название падежа / Name of Case	Семантика модели / Semantic Model	Падежные маркеры ²² / Case Markers
IN	Местный (инессив) / Inessive	нахождение внутри ориентира / location inside the landmark	-ын, -н, -а / -я-, -ø, -лан
	Входный (иллатив) / Illative	движение внутрь ориентира / movement into the landmark	-е / -э, -ы, -а / -я-, -ø, -ла
	Исходный (элатив) / Elative	движение изнутри ориентира наружу / movement out of the landmark	-ысь, -сь, -ысьты-, -лась
	Переходный (пролатив) / Prolative	движение внутри ориентира / movement within the landmark	-етй / этй, -тй

Источник: составлено по [10; 17].
 Source: Compiled by [10; 17].

1. Инессив.

Использование форм инессива в удмуртском языке указывает на статическое состояние и используется для обозначения пространства, внутри которого находится другой предмет или происходит действие (локализация IN) [17]. Так, в метафорических выражениях с лексемой *сюлэм* инессив играет ключевую роль в актуализации образной схемы «контейнер»: эмоции концептуализируются как находящиеся внутри сердца, которое представляется замкнутым пространством:

(1) *Нунал-кык вузыса улйсько но, сюлмын капчигес луэ, шокаме но выльысь усьтиське* (Удмурт дунне, 07.03.2007) ‘я успокаиваюсь, прихожу в себя’²³ (букв. «Вот уже день-два я живу, воя/крича, на сердце (IN) становится легче, и мое дыхание снова раскрывается»);

²¹ Kothencz G.S. Képi sémák és határozóragok. In: Konstruáció és jelentés. Tanulmányok a magyar nyelv funkcionális kognitív leírására. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem; 2012. P. 41–42.

²² В таблице приведены суффиксы простого склонения. В приведенных примерах падежные суффиксы часто употребляются в сочетании с посессивными суффиксами.

²³ Во всех примерах приведен буквальный перевод; переносное значение метафорического выражения указывается отдельно только в тех случаях, когда оно не ясно из перевода и требует отдельного пояснения

(2) *Я, чок ини, сюлмад эн возь* (Ваньмон дыр, 26.09.2013) ‘не расстраивайся, не обижайся’ (букв. «Хватит же, не держи это в сердце (IN)»);
 (3) *Сюлэмаз пычей/кей порья* [3]. ‘кому-л. грустно, тревожно, тоскливо’ (букв. «В его сердце (IN) ползет [точит] короед/моль»).

В примере (1) образная схема «контейнер» реализуется через метафору эмоционального облегчения как освобождения от внутреннего напряжения, результатом чего становится ощущение легкости и спокойствия. В случаях же, когда содержимое контейнера «тяжелое», оно представлено негативными эмоциями, а именно тревогой или подавленностью (ср. *сюлэмын секыт* ‘в подавленном настроении, испытывая тревогу’ (букв. ‘на сердце (IN) тяжело’), однако в этих примерах тип метафорического содержания (предмет, жидкость, живое существо и др.) определить трудно из-за неочевидности образа. В примере (2) печаль концептуализируется как предмет, находящийся в контейнере, а в (3) активируется другой тип схемы: сердце выступает как контейнер, подвергающийся воздействию изнутри – разрушению («сердце – это контейнер, подвергающийся воздействию изнутри»). Подобная метафора существует и в русском языке. Например, в выражении «на душе кошки скребут» (‘кому-л. очень грустно, тоскливо, тревожно’), где контейнер представляется как подвергающийся воздействию снаружи.

Сердце как контейнер может содержать в себе разные эмоции и психические состояния, большинство из которых положительные. Об этом свидетельствует их активное использование в речевых актах пожеланий и поздравлений, в которых они вербализируются напрямую, через такие лексемы, как *надежда, любовь, радость* и др. (примеры (4), (5)). Характерным является то, что в удмуртском языке эти эмоции и чувства описываются как объекты, «живущие» в сердце, что указывает на метафору «эмоции – это живой организм». В примере (6) «любовь» и «уважение» концептуализируются как источники света, что отражает универсальную ориентационную метафору «хорошее – это свет / плохое – это тьма» («Good is light / Bad is dark») ²⁴, т. е. позитивные чувства – светлые, негативные – темные или черные. Подобная метафора в удмуртском языке проявляется также в других выражениях: *пишитэ шумпотонэн* ‘светится от счастья’ (букв. ‘счастьем’), *кизили кадь ворекъяськод* ‘ты сияешь как звезда’, *чилясь* ‘блестящий, сверкающий’ (о веселом, радостном ребенке), где положительное эмоциональное состояние ассоциируется с сиянием и светом:

(4) *Мед улоз жечезлы осконэд сюлэмад* (club115519020)

(букв. «Пусть в твоём сердце (IN) живёт надежда в хорошее»);

(5) *Сюлэмад мед улозы яратон но шумпотон* (F_396)

(букв. «Пусть в твоём сердце (IN) живут любовь и радость...»);

(6) *Мед пиштоз яратон но гажан сюлэмад* (club115519020)

(букв. «Пусть в твоём сердце (IN) светятся любовь и уважение»).

Однако в сердце локализуются и негативные эмоции, такие как злость (7), страдание (8), гнев (9) и горе/печаль (10), глубоко укореняясь или оставаясь скрытыми и подавленными:

(7) *Эн возь сюлэмад йыркурдэ* (club45646091)

(букв. «Не держи в своём сердце (IN) злость»);

(8) *Со куректонзэ сюлмаз ватйз* ²⁵.

(букв. «Он(а) спрятал(а) своё страдание в сердце (IN)»);

(9) *Сюлэмын вожпотон омырске* ²⁶.

(букв. «В сердце (IN) черпается гнев»);

²⁴ Kövecses Z. *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press; 2000. P. 44.

²⁵ Русско-удмуртский словарь. Под ред. А. Бутолина. Ижевск: Удмуртгосиздат; 1942. С. 146.

²⁶ Kozmács I. *Udmurt–magyar szótár*. Szombathely: Savaria University Press; 2002. P. 318.

(10) *Адямислэн сюлэмъёсазы вормонтэм кайгу каръяськиз* (Osmes 2015.03.19) (букв. «В сердцах (IN) людей поселилось непреодолимое горе/печаль»).

В приведенных примерах активируются различные типы метафорического содержания контейнера. Так, «злость» (7) и «страдание» (8) концептуализируются как отдельные предметы, которые можно «хранить» или «прятать» в сердце. В примере (9) «гнев» осмысляется как жидкость, которую можно «черпать» из сердца, что отражает метафору «эмоция – это жидкость в контейнере». В примере (10) печаль предстает в качестве живого существа, которое может «поселиться» в сердце.

Таким образом, в удмуртских метафорических выражениях, где *сюлэм* используется в форме инессива, эмоции представлены как находящиеся внутри контейнера и концептуализируются по-разному. Так,

эмоции –

→ это предмет в контейнере (примеры (2), (7), (8));

→ это жидкость в контейнере (пример (9));

→ это живой организм в контейнере (примеры (3), (4), (5), (10));

→ это свет (пример (6));

→ легкие (пример (1)) или [тяжелые].

2. Иллатив.

Схема «контейнер» также выражается с помощью аффиксов иллатива, одной из основных функций которого в удмуртском языке является обозначение движения во внутреннее пространство [7]. В метафорической модели «сердце – это контейнер» иллатив указывает на прохождение от внешней части через границу вглубь контейнера, актуализируя структуру с четко разграниченными внешним и внутренним уровнями²⁷. В анализируемых примерах движение внутрь сердца отражает актуализацию эмоций и переживаний, которые «входят» в человека и оказывают на него глубокое воздействие:

(11) *Сюлмам ик пыриз* (Удмурт дунне, 26.09.2008)

‘мне понравилось / мне пришлось по сердцу’

(букв. «В мое сердце (ILL) зашло»);

(12) *Син эмъясь-а тон, терапевт-а – сюлмад басьтоно* (Удмурт дунне, 30.11.2012)

‘пропустить через себя, проявить сопереживание’

(букв. «Хоть ты офтальмолог, хоть терапевт – нужно взять в сердце (ILL)»);

(13) *Сюлмам шуныт вöй кисьтöзы кадъ, городмес эшишо но золгес яратыны куски* (Удмурт дунне, 11.06.2010)

‘я очень рад/счастлив’

(букв. «В мое сердце (ILL) словно теплое масло налили, еще сильнее начал(а) любить наш город»).

К примеру (11) близки по значению метафорические выражения *сюлме лякиське* (букв. ‘к сердцу (ILL) клеится’), *сюлме няняське* (букв. ‘к сердцу (ILL) клеится, мажется’), *сюлме бинялтöське* (букв. ‘к сердцу (ILL) заматывается’). В указанных выражениях сердце метафорически осмысляется как контейнер, имеющий магнитные свойства («сердце – это магнит»): оно притягивает эмоционально значимые объекты.

Выражения с отрицательным значением, обозначающие неприятие/отсутствие симпатии, представлены следующими конструкциями: *сюлме уг лякиськы* (букв. ‘к сердцу (ILL) не клеится’), *сюлме уг няняськы* (букв. ‘к сердцу (ILL) не клеится, не мажется’), *сюлме уг бинялтöськы* (букв. ‘к сердцу (ILL) не заматывается’) [1, с. 78].

²⁷ Kothenz G.S. Képi sémák és határozóragok. In: Konstruktív és jelentés. Tanulmányok a magyar nyelv funkcionális kognitív leírására. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem; 2012. P. 41.

Особый интерес представляет метафора «радость/счастье – это жидкость в контейнере» (13), где положительные эмоции описываются через образ теплого (топленого) масла, проникающего в сердце. В своем исследовании Кубич также подчеркивает, что выражения, связанные с растопленным жиром, характерны исключительно для выражения состояния счастья в удмуртском языке²⁸. Это может быть обусловлено особым ритуальным статусом масла в традиционной удмуртской культуре, где оно символизирует изобилие, благополучие и счастье [1, с. 78].

Таким образом, в приведенных примерах эмоции концептуализируются следующим образом:

(11) → симпатия – это живой организм;

(12) → эмпатия – это предмет;

(13) → радость/счастье – это жидкость.

Ряд примеров демонстрирует метафору «сердце – это впитывающий контейнер» (14), в рамках которой эмоции концептуализируются как жидкости, а сердце – как губка, способная их впитывать. Наиболее частотным в реализации данной метафоры является позитивное чувство – *яратон* ‘любовь’ (15), однако в роли «впитываемого содержимого» нередко выступают и негативные эмоции, такие как *мӧзмыт* ‘грусть’ и *куректон* ‘печаль’ (16). Корпусные данные также свидетельствуют о том, что к данной метафоре относятся и *данъяськон* ‘гордость’ и *оскон* ‘надежда’:

(14) *Учкысал но учкысал... сюлмам золгес мед пычалозы шуыса...* (muketulon.tumblr.com, 2014)

‘чтобы запомнилось/впечаталось’

(букв. «Смотрела бы и смотрела... чтобы в мое сердце (ILL) впиталось...»);

(15) *Яратон-дяратон мед мур сюлмады пычалоз, кызы удмурт кыл пыча егит финн тодосчиолэн сюлмазы!* (udmurt_faculty) (букв. «Пусть любовь глубоко впитается в ваше сердце (ILL), как удмуртский язык впитывается в сердца молодых финских ученых!»);

(16) *Та кырзанэз кылзыса сюлэме кӧня ке мӧзмыт но пыча — мыньпотон но, куректон но одйг дыре.* (itfuf) (букв. «Когда я слушаю эту песню, в мое сердце (ILL) одновременно впитываются и грусть, и улыбка, и печаль»).

Данные Национального корпуса удмуртского языка показывают, что глагол *пычаны* ‘впитывать’ широко употребляется не только в контексте эмоций, локализованных в сердце, но и в конструкциях, где сердце выступаетместилищем абстрактных понятий: силы, песни, способности, слова и др. Такая высокая продуктивность метафоры «сердце – это впитывающий контейнер» в языковой картине мира удмуртов, вероятно, связана с проживанием на речных территориях и важностью воды (на это частично указывают и культурные метафоры реки в удмуртском песенном фольклоре [18]).

3. Элатив.

Формы элатива в рамках схемы «контейнер» выражают прекращение положения внутри и обозначают движение, направленное за пределы контейнера²⁹, из сердца наружу:

(17) *Дуно адымизэс зечкыласа сюлмысь потэм шуныт кылъёссэс веразы* (Ошмес, 09.10.2014)

(букв. «Поздравляя своего дорогого человека, [из сердца (EL) вышедшие] теплые слова сказали»);

(18) *Талы вань сюлмысь шумпотӧ* (Удмурт дунне, 12.01.2010)

‘я очень/искренне этому обрадовался’

(букв. «Я этому от всего сердца (EL) обрадовался»).

²⁸ Kubitsch R. The Role of ‘Heart’ in the Conceptualization of Emotions in Udmurt. In: Baranyiné Kóczy J., Sipőcz K. Embodiment in Cross-Linguistic Studies: The ‘Heart’. Leiden: Brill; 2023. P. 188.

²⁹ Kóthencz G.S. Képi sémák és határozóragok. In: Konstruktio és jelentés. Tanulmányok a magyar nyelv funkcionális kognitív leírására. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem; 2012. P. 41.

Наше исследование также показывает, что форма элатива в выражении *вань сюлмысь* «от всего сердца (EL)» указывает на проявление всей внутренней силы и эмоциональной энергии, соотносясь с метафорой «сердце – это целостный контейнер». Метафора отражает холистическую концепцию человека, в которой все личностные черты и психические способности сосредоточены в сердце³⁰.

В некоторых языках наблюдается парное сочетание *сердце – душа* (ср. рус. *душой и сердцем*; венг. *szívvel-lélekkel* ‘искренне, от всей души’ (букв. ‘с сердцем-душой’)), выражающее глубину чувств и силу намерений. В удмуртском языке аналогичное значение имеет сочетание *лулысь-сюлмысь* ‘от всего сердца’ (букв. ‘из души-сердца (EL)’):

(19) *Учкисьёсмес шумпоттон бордын ваньмы лулысь-сюлмысь тыршиськомы* (Удмурт дунне, 23.03.2012)

‘мы работаем искренне, с полной самоотдачей, с энтузиазмом’ (букв. «Чтобы порадовать зрителей, стараемся от всего сердца и души (EL)»).

Кроме этого, «контейнер» может концептуализироваться и через формы иллатива и элатива в рамках образной схемы «источник – путь – цель». Аффиксы этих падежей позволяют репрезентировать «контейнер» либо как цель движения (иллатив), либо как его источник (элатив)³¹. В примерах (11)–(16) сердце выступает в роли цели направленного движения, и, соответственно, в структуре «источник – путь – цель» на первый план выходит компонент «цель», а в примерах (17)–(19) высвечивается «источник», поскольку эмоции концептуализируются как исходящие из сердца.

4. Пролатив.

Пролатив, в отличие от иллатива и элатива, не маркирует начало или завершение траектории; одно из его значений в удмуртском языке связано с процессом прохождения сквозь/через внутреннее пространство и преимущественно выражается при помощи конструкций с послелогом [17]. Это делает использование пролатива потенциально релевантным для репрезентации промежуточной фазы движения внутри контейнера-сердца. Для обозначения движения сквозь контейнер-сердце в удмуртском языке используются послелог *пыр, пыртй* ‘сквозь, через’, *пушкытй* ‘сквозь, через внутреннее пространство’.

Б. Локальные послелог.

В удмуртском языке, как и в большинстве уральских языков, в сочетании с именными частями речи активно используются послелог, обозначающие пространственные отношения³². Среди них к образной схеме «сердце-контейнер» можно отнести удмуртские послелог *пуш (пушк-)* ‘внутренность, пространство внутри’ (*пушкын* IN, *пушкы* ILL, *пушкысь* EL, *пушкытй* PROL) и *пыр, пыртй* (PROL) ‘через, сквозь’:

(20) *Сюлэм пушкын маке бугыртйське* (udmort (group, 1000-10000 members)) ‘кто-л. встревожен, обеспокоен’

(букв. «Внутри сердца (IN) что-то бурлит/клокочет»);

(21) *Сюлэм пыртйз поттыса лыдйиз* (устное сообщение Е. О. Сунцовой) ‘кто-л. читал с воодушевлением’

(букв. «Через свое сердце (PROL), вытаскивал, читал»).

В следующем примере сердце представлено как «контейнер, способный фильтровать» внутреннее содержание. Деепричастие *сйсьяса* ‘фильтруя’ добавляет к пространственной схеме «путь» дополнительное значение переработки или трансформации:

³⁰ Barányiné Kóczy J. More Than Emotions: Cultural Conceptualizations of Szív ‘Heart’ in Hungarian. In: Barányiné Kóczy J., Sipőcz K. Embodiment in Cross-Linguistic Studies: The ‘Heart’. Leiden: Brill; 2023. P. 100–101.

³¹ Kothenz G.S. Képi sémák és határozóragok. In: Konstruktio és jelentés. Tanulmányok a magyar nyelv funkcionális kognitív leírására. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem; 2012. P. 41.

³² Грамматика современного удмуртского языка (ГСУЯ): фонетика и морфология. Отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во; 1962. С. 319–320.

(22) *Красильниковлы секыт йӧтэ, лэся, сое сюлэм пьртӱз сӱсьяса поттыны* (Удмурт дунне, 08.07.2008)

‘пропускает через себя’

(букв. «Красильникову, возможно, трудно это сквозь сердце (PROL), фильтруя, вытащить»).

В. Названия частей, указывающих на структуру контейнера.

В удмуртском языке структура концепта «контейнер» отражается через лексемы, обозначающие его внутренние части. В анализируемых примерах выявляются следующие составляющие контейнера: *пыдэс* ‘дно’ (23), *пуитрос* ‘содержание’ (24), *шор* ‘середина’ (25), *борд* ‘стена, забор’ (26), *сэрегъёс* ‘углы’ (27) и др.:

(23) *Сюлэм пьдэстэ бугыртэ.* (<https://vk.com/washkala>)

‘кто-л. обеспокоен, встревожен’

(букв. «Ворошит дно сердца»);

(24) *Солэн сюлэм пуитросэз мынамеэзлы матын.* (Удмурт дунне, 15.02.2013)

‘его внутренний мир мне близок’

(букв. «Внутренность (содержание) его сердца мне близка»);

(25) [куплет из песни завятских удмуртов]

Тӧдыы Камедлэн вуосыз ай кай,

Кожисен коже шуккиськоз ай кай.

Аязд пуктыса вордэм нункаед

Сюлэм шоръёсад шуккиськоз ай кай.

‘Белой Камы волны айкай,

Из омута в омут расплещутся айкай.

На колени усаживая возвращенное дитя,

В середине сердца аукнется айкай’³³.

(26) *И ваньзэ туж матэ басьтӱсько, лэся, сюлэм бордам* (vuflower.blogspot.ru, 2014)

‘я принимаю все близко к сердцу’

(букв. «Я все очень близко беру, оказывается, к стенам сердца»);

(27) *Кылбур пыр автор чемысь пуш шӧдонъессэ, сюлэм сэрегъёсаз ватэм малнаньессэ усътэ* (Удмурт дунне, 03.03.2017)

(букв. «Поэт в стихотворении часто раскрывает внутренние чувства и мысли, спрятанные в сердце [в углах сердца]»).

В примере (28) реализуется концептуализация сердца как поврежденного контейнера, что отражает метафору «сердце – это хрупкий контейнер». Трещина в нем метафорически выражает эмоциональную боль или глубокое душевное переживание. Наряду с этим, в примере (29) внутренние состояния представлены как расположенные глубоко внутри сердца, что указывает на их устойчивый характер:

(28) *Нош кышноезлэн сюлмаз маиз ке но тэрс! кариз* (Удмурт дунне, 09.06.2009)

‘кто-л. испытывает душевную боль’

(букв. «А у его жены в сердце что-то треснуло»);

(29) *Возьдаськон, кепыран сям сюлмазы мур пычаз* (Байгурезь (Новый путь))

(букв. «Стыдливость, стеснительность в их сердцах глубоко впитались»).

Д. Лексемы, выражающие состояние наполненности и опустошенности.

В удмуртском языке лексемы, связанные с концептом наполненности и опустошенности (*тыр* ‘полный’, *тырмыны* ‘наполниться’, *пачылмыны* ‘наполниться/переполниться’, *буш* ‘пустой’) формируют образную схему «контейнер», в которой сердце концептуализируется как сосуд, вмещающий эмоции или опустошающийся при их отсутствии.

Выражение *сюлэм тыре/тырме* (букв. ‘сердце наполняется’) описывает эмоциональное состояние, возникающее под воздействием сильных чувств. Это состояние может быть результатом как положительных, так и отрицательных эмоций и часто вызывает интенсивное внутреннее напряжение. Метафорическое выражение *сюлэм тыре* основано на метафорах «сердце – это контейнер», а «эмоции – это содержимое

³³ Сапожников Л.Д. Сокровища удмуртского фольклора: песни, танцы и игры шошминских удмуртов. Т. 1. Казань: Заман; 2019. С. 354.

контейнера», однако в большинстве случаев тип содержимого не выражен явно. В примере (30) наполнение контейнера связано с позитивными эмоциями – радостью, любовью и гордостью:

(30) *Сюлмы берло тыре вал, куке ог-огзэс поддеживатъ каро вал, котъкытын везь чошен ветло вал* (shundikar2014)

(букв. «Мое сердце наполнялось, когда они поддерживали друг друга, везде ходили вместе»).

Некоторые метафорические выражения, используемые для обозначения негативных эмоций, особенно гнева или злости, отражают метафору «сердце – это контейнер, наполненный жидкостью»:

(31) *Сюлмам вир тыре* [1]

(букв. «В моем сердце кровь наполняется»).

В большинстве языков гнев концептуализируется как горячая жидкость, накапливающаяся под давлением внутри сосуда, что отражает универсальную когнитивную метафору «гнев – это горячая жидкость в контейнере»³⁴, ср. рус. *он вскипел*, англ. *make someone's blood boil* (букв. ‘заставить чью-либо кровь вскипеть’), венг. *szétrobbant a feje a dühtiől* (букв. ‘его/ее голова взорвалась от гнева’), удм. *мон пушити* (букв. ‘я взорвался’) и др. Однако в примере (31) температурный аспект не обозначается явно. Основа метафоры «гнев – это жидкость в контейнере» в том, что гнев внутри сосуда-сердца постепенно накапливается до тех пор, пока внутренний объем не достигнет предела. Тогда эмоции вырываются наружу в форме эмоционального проявления.

Негативные и позитивные эмоции, заполняющие сердце-контейнер, также могут быть выражены эксплицитно, т. е. напрямую. Это отражается в следующих примерах, где чувства гордости (32), радости (33), счастья (34), уважения (35), печали (36) вербализуются через образ наполнения сердца:

(32) *Сюлэм данъяськонэн тырме* (Удмурт дунне, 03.11.2010)

(букв. «Сердце наполняется гордостью»);

(33) *Удмурт шаермы, тон понна сюлэм шумпотонэн тырме* (zechbur)

(букв. «Наша Удмуртия, за тебя сердце наполняется радостью»);

(34) *Сюлэм шудэн тырме* (F_58)

(букв. «Сердце наполняется счастьем»);

(35) *Мария Павловналы мур гажанэн тыриз сюлэмы* (Иднакар, 05.08.2014)

(букв. «Сердце наполнилось глубоким уважением к Марии Павловне»);

(36) *Сюлэм тыр секыт куректон мылкыдэн* (Азылане (Хезмэт), 04.08.2014)

(букв. «Сердце наполнено тяжелой печалью»).

Эмоции, находясь внутри контейнера, могут достигать высокой степени интенсивности и становиться неконтролируемыми. В таком случае используется глагол *пачылмыны* (наполниться/переполниться), обозначающий состояние переполненности контейнера. В корпусных данных чаще всего представлена концептуализация радости (37) и счастья (38) как эмоций, переполняющих сердце-контейнер:

(37) *Солэн сюлмыз бадзым шумпотонэн пачылмиз*³⁵.

(букв. «Его сердце переполнилось большой радостью»);

(38) *Шудбурен мед пачылмоз сюлмыд* (Азылане (Хезмэт) 02.17.2014)

(букв. «Пусть твое сердце наполнится счастьем»).

Эти метафорические выражения основаны на универсальной когнитивной метафоре «счастье/радость – это жидкость в контейнере»³⁶, в рамках которой счастье концептуализируется как чрезвычайно интенсивное эмоциональное состояние, трудно поддающееся контролю. Интенсивность в этой метафоре выражается объемом

³⁴ Kövecses Z. A Metafora. Gyakorlati bevezetés a kognitív metaforaelméletbe. Budapest: Typotex; 2005. P. 169–178

³⁵ Kozmács I. Udmurt-magyar szótár. Szombathely: Savaria University Press; 2002. P. 332.

³⁶ Kövecses Z. A Metafora. Gyakorlati bevezetés a kognitív metaforaelméletbe. Budapest: Typotex; 2005. P. 167–169.

жидкости и представлением, что человек не в состоянии удерживать это чувство внутри, поэтому оно может переполняться и, как следствие, переливаться, вытекать наружу или разрывать сосуд.

Существует и противоположная ситуация, когда человек эмоционально опустошен. В таких случаях метафора «сердце – это контейнер» в удмуртском языке сохраняется, однако контейнер представлен пустым/опустевшим:

(39) *Сюлэм ик буи кылиз* (club3458679)

(букв. «Сердце осталось пустым»).

Е. Предметы, обладающие формой контейнера.

В различных языках сердце концептуализируется как контейнер, принимающий, например, образ дома. Это связано с тем, что сердце может восприниматься как пространство с «комнатами», «дверями», «окнами» и другими элементами. Метафора «сердце – это дом» представлена в венгерском и китайском языках³⁷, а также в русском (ср. *найти ключ к сердцу, открыть свое сердце, впустить в свое сердце, достучаться до сердца* и др.). Примеры из удмуртского языка также демонстрируют данную метафору: сердце может иметь «дверь» и открываться, что указывает на готовность человека поделиться своими чувствами (40) или быть открытым для нового опыта (41):

(40) *Нош сюлэмзэ усьтыны песянайлы нокинлы* (Удмурт дунне, 25.01.2011)

(букв. «Некому бабушке открыть свое сердце»).

(41) *Со ини дась нош но нош дышетскыны, ас сюлэмезлы вьль ёс усьтыны* (kualaluly.ru) (букв. «Он снова готов учиться, открыть новую дверь своему сердцу»).

К тому же в удмуртском языке сердце может концептуализироваться как сундук – закрытый и скрытый от постороннего взгляда контейнер, в котором хранятся чувства, переживания и воспоминания:

(42) *Нош книгаям нокыче пöяскөнъёстэк усьтй сюлэм шыкысме* (Удмурт дунне, 21.08.2009)

(букв. «В своей книге без всякой лжи я открыл сундук своего сердца»).

Также примеры из корпуса удмуртского языка демонстрируют метафору «сердце – это гнездо», в рамках которой любые эмоции осмысливаются как живые сущности, поселяющиеся в сердце, как в гнезде. Таким образом, например, любовь (43) или гнев (44) реализуются в метафоре «эмоции – это живой организм»:

(43) *Сюлэмад нырысетй яратон ку карьяськиз?* (shushynati.ru) (букв. «Когда в твоём сердце поселилась [загнездилась] первая любовь?»);

(44) *Сьöлыко вожпотон карьяськиз сюлэмад* (club52234618) (букв. «В твоём сердце поселился [загнезвился] грешный гнев»).

Заключение

Схема «контейнер» является одной из ключевых при концептуализации эмоций и чувств через концепт «сердце» в удмуртском языке. Метафора «сердце – это контейнер» реализуется с помощью форм пространственных падежей, послелогов и лексических средств, отражающих форму, внутреннее пространство, границы контейнера и др. (табл. 2).

В таблице 3 представлена когнитивная метафора «сердце – это контейнер для эмоций», в которой эмоции концептуализируются как жидкость, вещества, субстанции, предметы, живые организмы и свет.

Представленный анализ образной схемы «контейнер» в структуре концепта «сюлэм» ‘сердце’ охватывает лишь часть метафорических реализаций и требует дальнейшей систематизации. Изучение когнитивных метафор и образных схем является важным

³⁷ Baranyiné Kóczy J., Sipócz K. Embodiment in Cross-Linguistic Studies: The 'Heart'. Leiden: Brill; 2023. P. 13–14.

Т а б л и ц а 2. Типы контейнеров в концептуализации сердца в удмуртском языке
 T a b l e 2. Types of containers in the conceptualization of the heart in the Udmurt language

Когнитивная метафора / Cognitive Metaphor	Свойства контейнера / Container Properties	Описание / Description
СЕРДЦЕ – это контейнер, подвергающийся воздействию / The heart is a container subject to external influence	уязвимый / vulnerable	восприимчив к внешнему воздействию, может быть поврежден / susceptible to external impact and capable of being damaged
Сердце – это тяжелый/ легкий контейнер / The heart is a heavy/ light container	тяжелый/легкий / heavy/light	эмоции внутри контейнера осмысляются как имеющие физический вес: тяжелое содержимое связано с негативными переживаниями, легкое – с положительными / emotions within the container are conceptualized as possessing physical weight: heavy contents are linked to negative emotional experiences, while light contents are linked to positive experiences
Сердце – это впитывающий контейнер / The heart is an absorbing container	проницаемый, пористый / permeable, porous	впитывает, поглощает, накапливает эмоции; «эмоции – это жидкость» / Absorbs, takes in, and accumulates emotions; based on the metaphor «Emotions are a liquid»
Сердце – это контейнер, способный фильтровать / The heart is a container capable of filtering	проницаемый, с функцией фильтрации / permeable, possessing a filtering function	эмоции проходят сквозь сердце, изменяясь / emotions pass through the heart and are transformed in the process
Сердце – это целостный контейнер / The heart is a whole container	цельный, неделимый / whole, indivisible	отражает целостную личность, из которой исходят искренние чувства / reflects a holistic personality from which sincere feelings flow
Сердце – это хрупкий контейнер / The heart is a fragile container	хрупкий, ломкий, с тонкими границами / fragile, brittle, with thin boundaries	легко повредить, разбить под действием сильных эмоций / can be easily damaged or broken under the influence of strong emotions
Сердце – это магнит / The heart is a magnet	притягивающий/отталкивающий, липкий / attractive/repulsive, sticky	притягивает/отталкивает эмоции / attracts / repels emotions
Сердце – это дом / The heart is a house	защищенный, открытый/закрытый, с дверью / protected, open/closed; with a door	открыт/закрыт для новых эмоций и опыта / open/closed to new emotions and experiences
Сердце – это сундук / The heart is a chest	открытый/закрытый / open/closed	хранит что-то ценное / preserves something valuable
Сердце – это гнездо / The heart is a nest	открытый/закрытый / open/closed	эмоции «поселяются» в сердце / emotions “live” in the heart

Источник: таблицы 2, 3 составлены автором.

Source: Tables 2, 3 are compiled by the author.

инструментом для понимания человеческого мышления, а в более широком смысле позволяет выявить особенности мировосприятия представителей разных культур.

Перспективным представляется дальнейшее изучение образной схемы «контейнер» в структуре концепта «сюлэм» 'сердце' на материале более ранних источников удмуртского языка с целью выявления устойчивых и изменяющихся способов вербализации эмоционального опыта в разные периоды.

Таблица 3. Когнитивная метафора «сердце – это контейнер для эмоций» в удмуртском языке

Table 3. The cognitive metaphor “Heart is a container for emotions” in the Udmurt language

Когнитивная метафора / Cognitive metaphor	Описание / Description
Сердце – это контейнер для эмоций / The heart is a container of emotions	Сердце какместилище эмоций / The heart as a container of emotions
Эмоции – это жидкость / Emotions are liquid	Эмоции как жидкость, способная накапливаться и переполнять контейнер-сердце / Emotions are conceptualized as a liquid that can accumulate in and overflow the heart-container
Любовь / Love	Любовь / Love
Счастье / Happiness	Счастье / Happiness
Радость / Joy	Радость / Joy
Эмоции – это субстанция/вещества/предметы / Emotions are substances/objects	Эмоции находятся внутри контейнера-сердца, входят или выходят из него и способны накапливаться / Emotions are located within the heart-container, enter and leave it, and are capable of accumulating
Эмпатия / Empathy	Грусть / Sadness
Радость / Joy	Волнение / Excitement
Гордость / Proud	Тревога / Anxiety
Счастье / Happiness	Печаль / Sorrow
Уважение / Respect	Злость / Anger
Воодушевление / Enthusiasm	Страдание / Suffering
Эмоции – это живой организм / Emotions are living organisms	Эмоции как сущности «живут» внутри контейнера-сердца / Emotions are conceptualized as entities that “live” inside the heart-container
Надежда / Hope	Гнев / Anger
Любовь / Love	Печаль / Sorrow
Радость / Joy	
Уважение / Respect	
Симпатия / Liking	
Позитивные эмоции – это свет / Positive emotions are light	Позитивные эмоции, локализованные в сердце, осмысляются как свет / Positive emotions localized in the heart are understood as light
Любовь / Love	
Уважение / Respect	
Позитивные эмоции легкие, негативные – тяжелые / Positive emotions are light, negative emotions are heavy	Негативные эмоции осмысляются как внутренняя тяжесть или напряжение, а позитивные приводят к ощущению освобождения и внутренней легкости / Negative emotions are understood as internal heaviness or tension, while positive emotions lead to a feeling of liberation and internal lightness
Облегчение / Relief	Тревога / Anxiety
Спокойствие / Calmness	Беспокойство / Worry

Особый интерес представляет исследование других метафорических моделей сердца, а также взаимодействия образной схемы «контейнер» с другими образными схемами, участвующими в концептуализации эмоций, чувств и внутренних состояний человека в удмуртском языке.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

IN – инессив, ILL – иллатив, EL – элатив, PROL – пролатив.

ABBREVIATIONS

IN – Inessive, ILL – Illative, EL – Elative, PROL – Prolative.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панина Т.И., Ульянова М.А. Устойчивые словосочетания с соматизмом «сердце» в английском и удмуртском языках. *Гуманитарные и социальные науки*. 2024;102(1):74–79. URL: <http://hses-online.ru/2024/01/12.pdf> (дата обращения: 11.11.2025).

2. Душенкова Т.Р. Ключевые понятия удмуртской языковой картины мира: моногр. Ижевск: Шелест; 2020. 244 с.
3. Душенкова Т.Р. Эмоциосфера удмуртской языковой картины мира: моногр. Ижевск: Шелест; 2020. 321 с.
4. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: is Abstract Reason Based on Image-Schemas? *Cognitive Linguistics*. 1990;1(1):39–74. <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.1.39>
5. Hampe B. Image Schemas in Cognitive Linguistics: Introduction. In: Hampe B., Grady J.E. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter Publ.; 2005. P. 1–14. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.0.1>
6. Grady J.E. Image Schema and Perception: Refining a Defenition. In: Hampe B., Grady J.E. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter Publ.; 2005. P. 35–56. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.1.35>
7. Talmy L. The Fundamental System of Spatial Schemas in Language. In: Hampe B., Grady J.E. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter Publ.; 2005. P. 199–234. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.3.199>
8. Cienki A. Mimetic Schemas and Image Schemas in Cognitive Linguistics and Gesture Studies. *Review of Cognitive Linguistics*. 2013;11(2):417–432. <https://doi.org/10.1075/rcl.11.2.13cie>
9. Gibbs R. Embodied Experience and Linguistic Meaning. *Brain and Language*. 2003;84(1):1–15. [https://doi.org/10.1016/S0093-934X\(02\)00517-5](https://doi.org/10.1016/S0093-934X(02)00517-5)
10. Clausner T., Croft W. Domains and Image Schemas. *Cognitive Linguistics*. 1999;10(1):1–31. <https://doi.org/10.1515/cogl.1999.001>
11. Kövecses Z. Testesültség (embodiment) a nyelvben és gondolkodásban – kognitív nyelvészeti megközelítés. *Replika*. 2021;(121–122):49–61. <https://doi.org/10.32564/121-122.4>
12. Dodge E., Lakoff G. Image Schemas: From Linguistic Analysis to Neural Grounding. In: Hampe B., Grady J.E. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter Publ.; 2005. P. 57–92. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.1.57>
13. Enfield N.J., Wierzbicka A. The Body in Description of Emotion. *Pragmatics and Cognition*. 2002;10(1–2):1–25. <https://doi.org/10.1075/pc.10.1-2.02enf>
14. Kövecses Z., Benczes R. Kognitív nyelvészet. Budapest: Akadémiai Kiadó; 2016. P. 80. <https://doi.org/10.1556/9789630597340>
15. Niemeier S. To Be in Control: Kind-Hearted and Cool-Headed. The Head-Heart Dichotomy in English. In: Sharifian F., Dirven R., Yu N., Niemeier S. Culture, Body, and Language: Conceptualizations of Internal Body Organs across Cultures and Languages. Berlin, New York: Mouton de Gruyter; 2008. P. 355. <https://doi.org/10.1515/9783110199109.4.349>
16. Clausner T.C. Commonsense Knowledge and Conceptual Structure in Container Metaphors. In: Proceedings of the Sixteenth Annual Conference of the Cognitive Science Society. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates; 1994. P. 190. <https://doi.org/10.4324/9781315789354-33>
17. Кондратьева Н.В. Выражение пространственных отношений в современном удмуртском языке. *Урало-алтайские исследования*. 2010;(1):5–16. URL: https://iling-ran.ru/library/ural-altaic/ua2010_02.pdf (дата обращения: 25.11.2025).
18. Романова М.В. Культурные метафоры в песнях завятских удмуртов. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2025;(2):30–41. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2025-2-30-41>

REFERENCES

1. Panina T.I., Ulyanova M.A. Collocations with the Somatism “Heart” in the English and Udmurt Languages. *The Humanities and Social sciences*. 2024;102(1):74–79. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://hses-online.ru/2024/01/12.pdf> (accessed 11.11.2025).
2. Dushenkova T.R. [Key Concepts of the Udmurt Language Picture of the World: Monograph]. Izhevsk: Shelest; 2020. 244 p. (In Russ.)
3. Dushenkova T.R. [Emotsiosfera of the Udmurt Language Picture of the World: Monograph]. Izhevsk: Shelest; 2020. 321 p. (In Russ.)
4. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: is Abstract Reason Based on Image-Schemas? *Cognitive Linguistics*. 1990;1(1):39–74. 1990;1(1):39–74. <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.1.39>

5. Hampe B. Image Schemas in Cognitive Linguistics: Introduction. In: Hampe B., Grady J.E. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter Publ.; 2005. P. 1–14. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.0.1>
6. Grady J.E. Image Schema and Perception: Refining a Definition. In: Hampe B., Grady J.E. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter Publ.; 2005. P. 35–56. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.1.35>
7. Talmy L. The Fundamental System of Spatial Schemas in Language. In: Hampe B., Grady J.E. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter Publ.; 2005. P. 199–234. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.3.199>
8. Cienki A. Mimetic Schemas and Image Schemas in Cognitive Linguistics and Gesture Studies. *Review of Cognitive Linguistics*. 2013;11(2):417–432. <https://doi.org/10.1075/rcl.11.2.13cie>
9. Gibbs R. Embodied Experience and Linguistic Meaning. *Brain and Language*. 2003;84(1):1–15. [https://doi.org/10.1016/S0093-934X\(02\)00517-5](https://doi.org/10.1016/S0093-934X(02)00517-5)
10. Clausner T., Croft W. Domains and Image Schemas. *Cognitive Linguistics*. 1999;10(1):1–31. <https://doi.org/10.1515/cogl.1999.001>
11. Kövecses Z. Testesültség (embodiment) a nyelvben és gondolkodásban – kognitív nyelvészeti megközelítés. *Replika*. 2021;(121–122):49–61. (In Hung.) <https://doi.org/10.32564/121-122.4>
12. Dodge E., Lakoff G. Image Schemas: From Linguistic Analysis to Neural Grounding. In: Hampe B., Grady J.E. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter Publ.; 2005. P. 57–92. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.1.57>
13. Enfield N.J., Wierzbicka A. The Body in Description of Emotion. *Pragmatics and Cognition*. 2002;10(1–2):1–25. <https://doi.org/10.1075/pc.10.1-2.02enf>
14. Kövecses Z., Benczes R. Kognitív nyelvészet. Budapest: Akadémiai Kiadó; 2016. P. 80. <https://doi.org/10.1556/9789630597340>
15. Niemeier S. To Be in Control: Kind-Hearted and Cool-Headed. The Head-Heart Dichotomy in English. In: Sharifian F., Dirven R., Yu N., Niemeier S. Culture, Body, and Language: Conceptualizations of Internal Body Organs across Cultures and Languages. Berlin, New York: Mouton de Gruyter; 2008. P. 355. <https://doi.org/10.1515/9783110199109.4.349>
16. Clausner T.C. Commonsense Knowledge and Conceptual Structure in Container Metaphors. In: Proceedings of the Sixteenth Annual Conference of the Cognitive Science Society. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates; 1994. P. 190. <https://doi.org/10.4324/9781315789354-33>
17. Kondratyeva N.V. Expressing Spatial Relations in Modern Udmurt. *Ural-Altai Studies*. 2010;(1):5–16. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://iling-ran.ru/library/ural-altai/ua2010_02.pdf (accessed 25.11.2025)
18. Romanova M.V. Cultural Metaphors in the Folk Songs of the Trans-Vyatka Udmurts. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2025;(2):30–41. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2025-2-30-41>

Информация об авторе:

Романова Марина Валерьевна, аспирант кафедры финно-угорской филологии Сегедского университета (6722, Венгрия, г. Сегед, ул. Эдетэм, д. 2), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4734-6103>, SPIN-код: 4224-9323, marinalintu@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 04.12.2025; одобрена после рецензирования 09.01.2026; принята к публикации 29.01.2026.

Information about the author:

Marina V. Romanova, PhD Student of the Department of Finno-Ugrian Philology, University of Szeged (2 Egyetem St., Szeged 6722, Hungary), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4734-6103>, SPIN-code: 4224-9323, marinalintu@gmail.com

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 04.12.2025; revised 09.01.2026; accepted 29.01.2026.